

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЧИТАТЕЛИ

Книга — хороший плуг, медленно, но верно поднимающий пласт за пластом.

О. Ю. ШМИДТ.

В 1926 ГОДУ на вопрос анкеты «Писатель и книга. «Давно ли собираете свою библиотеку?» Маяковский ответил кратко и значительно: «Книгу всегда имел».

Он не был ни библиофилом, ни тем более библиоманом, никогда не имел большой личной библиотеки. И не только потому, что его «комнатенка-лодочка» в Лубянском проезде (ныне — проезд Серова) была немногим более одиннадцати метров, и что дома бывал мало, много ездил. Скорее это шло от его натуры: он никогда ни в чем не был накопителем. На вопрос той же анкеты о собирательстве книг ответил: «Хорошо, если нужны для работы. Коллекция неразрезанных книг отвратительна».

В его книжном шкафу почетное место занимали сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса, многочисленные издания В. И. Ленина, сборники о вожде революции.

Интерес к общественно-политической литературе возник еще в юности, в связи с революционными событиями 1905 года. Появилось настоятельное желание разобраться во всем самому. Тогда, как об этом говорит автобиография, он читает множество политических брошюр социал-демократического издательства «Буревестник». По свидетельству сестры поэта Людмилы Владимировны Маяковской, он собственноручно их переплел. Об этом времени в своей автобиографии он писал: «Беллетристики не признавал совершенно. Философия. Гегель. Естествознание. Но, главным образом, марксизм. Нет произведения искусства, которым бы я увлекся более, чем «Предисловие» Маркса... Помню отчетливо синенькую ленинскую «Две тактики...».

Знание первоисточников пригодилось поэту при работе над историческими поэмами «В. И. Ленин» и «Хорошо!», отозвалось по-своему и в его лирике.

На рабочей полке письменного стола Маяковского книги часто менялись: когда завершалась работа, появлялись другие... Так, когда он писал поэму «Про это», находясь в добровольном «заточении», здесь на полке было несколько сборников Оскара Уайльда, автора «Баллады Рэдингской тюрьмы»; как известно, так он назовет первую главу своей поэмы.

Среди книг, особо оберегаемых, — экземпляры с дарственными надписями. Небольшое их количество говорит о том, что Маяковский оставлял у себя только тех авторов, которые его интересовали. В связи с этим показателен случай, происшедший с ним в Берлине. Вспоминая о нем, Владимир Владимирович писал: «Поэт довольно престарелый. Подарил подписанную книгу. Из любезности открыл первое попавшееся стихотворение — и отступил в ужасе. Первая строчка, попавшаяся в глаза, была: «Птички поют» и т. д. в этом роде. Положил книгу под чайную скатерть: когда буду еще в Берлине, возьму».

Автографы на книгах — знаки внимания и добрых взаимоотношений. В этом ряду одной из первых следует назвать книгу А. М. Горького «Детство», изданную в Петрограде в 1915 году и тогда же подаренную с надписью: «Без слов от души Владимиру Маяковскому. М. Горький».

В библиотеке А. М. Горького хранится пять книг с автографами Маяковского. На книге «Облако в штанах» поэт написал «Алексею Максимовичу с любовью», а на «Флейте-позвоночнике» — «Алексею Максимовичу с нежной любовью — Маяковский». Книги эти выходили в Петрограде в 1915—1918 гг.

К сожалению, сохранились далеко не все книги, подаренные поэту, даже из числа особо оберегаемых. Из воспоминаний известно, что несколько книг Маяковскому подарил Александр Блок. Одна из надписей со слов Маяковского: «Владимиру Маяковскому, о котором в последнее время я так много думаю. Александр Блок 30 октября 1916. Спб.».

Впервые он прочитал Блока в 103-й камере Бутырской тюрьмы, наряду со стихами других символистов — Белого, Сологуба, Бальмонта. Первое издание трехтомника Блока (1911—1912) совпало с началом поэтической работы Маяковского. Он читал стихи Блока наизусть, часто разговаривал строками из блоковских стихов; они постоянно сопутствовали ему, входили в его жизнь. Характерно, что в многочисленных полемических выпадах против символистов, которые встречаются в большинстве ран-

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

них статей Маяковского, имя Блока — крупнейшего поэта, связанного с символизмом, — не упоминается. Это его особое отношение к Блоку засвидетельствовано в надписи на подаренном Александру Александровичу — первом издании поэмы «Облако в штанах»: «А. Блоку В. Маяковский — расписка всегдашней любви к его слову». Между тем их отношения — сложные отношения двух поэтических эпох, одна из которых пришла на смену другой; полемика сочетается здесь с определенной творческой близостью, «отталкивание» — с моментами влияния и преемственности. По свидетельству Виссариона Саянова, когда он сказал, что любит стихи Блока, Маяковский ответил: «Любить Блока каждый гимназист может... Да и понимать надо, что именно можно любить у Блока... Я Блока, наверное, не меньше вашего люблю, но по-другому». Однако восхищение мастерством Блока он пронес сквозь многолетний спор с поэтом, который был для него «целой поэтической эпохой».

Вот свидетельство другого современника: «Маяковский разражается страстной речью: «Учитесь, Кирсанов! Учитесь у Блока! Знайте Блока, изучайте Блока. Это — величайший поэт! Через него не перескочишь!». Лев Никулин так рассказывал о разговоре с Маяковским после выступления Блока в Москве в мае 1921 года: «Помолчав, он взял карандаш и начертил две колонки цифр, затем разделил их вертикальной чертой. Показывая на цифры, он сказал: «У меня из десяти стихов — пять хороших, три средних и два плохих. У Блока из десяти стихотворений — восемь плохих и два хороших, но таких хороших мне, пожалуй, не написать».

В семье Маяковских любили вечерами читать вслух. Читали русских классиков, «Ниву», «Вокруг света», «Южный читатель». Вспоминая об этом времени, Людмила Владимировна Маяковская писала, что не по летам развитый «Володя был постоянным и усердным участником этих вечеров. Читали Чернышевского «Что делать?», рассказы Г. Успенского, Горького, Салтыкова, Чехова, Л. Толстого, Лескова, Островского... Увлекался стихами Скитальца, о чем рассказывал впоследствии Н. Н. Асееву.

Конечно, не переставал читать Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Маяковский хорошо знал и любил Гоголя. Ни один из русских классиков не упоминался и не цитировался им так часто, как автор «Ревизора» и «Мертвых душ». По свидетельству двоюродного брата поэта М. Киселева, Гоголь был самым читаемым писателем Маяковского-подростка.

Полемические выпады Маяковского против классиков, и Пушкина в частности, были своего рода приемами или средством самоутверждения новатора, который не может не вступить в спор с тем, что творчески найдено и добыто до него. У каждого поэта свои формы, своя интонация этого спора. У Маяковского он носил страстный и демонстративный характер. Ему нужен был Пушкин не в бронзе, не в толстых академических томах, а Пушкин — современник и соратник в словесных и идейных взрывах.

Читательский интерес к Пушкину всегда был глубинный и никогда не прерывался.

Пушкин — один из самых упоминаемых, с детства заученных наизусть поэтов.

На полке письменного стола Маяковского книги Пушкина находились постоянно. Отдельные издания: «Стихотворения», «Поэмы», «Драматические сцены», «Борис Годунов», «Полтава», «Дубровский», «Пиковая дама».

Характерен эпизод, отражающий реакцию Маяковского на высказывание о бесцельности изучения античной литературы. По словам одного его современника: «...он до того убедительно начал защищать античную литературу, что я даже удивился. Ведь до самого последнего времени... я считал Маяковского каким-то «нигилистом». Оказывается — ничего подобного: он прекрасно знает классическую мировую литературу. Я сказал: «Владимир Владимирович, для меня большая новость то, что Вы так говорите о литературе. Так ли Вы относились в печати к Пушкину и Шекспиру лет пятнадцать назад?».

— Это все не так просто, совсем не просто... Надо знать, почему написано, когда написано и для кого написано...»

Судя по воспоминаниям современников, Маяковского более всего интересовали писатели из западноевропейской литературы, чье творчество отличалось новациями или было в какой-то

степени созвучно ему. Здесь могут быть названы имена французских поэтов Артюра Рембо, Поля Верлена, Шарля Бодлера, Эмиля Верхарна, творчество которых было хорошо известно Маяковскому.

Позже по этой же причине в современной ему французской литературе внимание Маяковского привлекли писатели-универсалисты, стремившиеся к социальной тематике, правдивому изображению действительности. Их творчество отличалось простотой стиля, свободным стихом. В группу входили Ж. Дюамель, Ш. Вильдрак, Л. Дюрент и другие. Возглавлял ее Ж. Ромен.

Известно, что Маяковский был лично знаком с упомянутыми писателями. Характеризуя эту литературную группу, он писал в «Парижских очерках»: «Это наши символисты, но в мировом масштабе; к ним же отошла «за-литературившаяся» часть Кларэ. Во главе этой группы — Жюль Ромен, Дюамель и др.». В библиотеке Маяковского были книги французских авторов, изданные в русском переводе в Ленинграде в 1925 году: роман Ж. Дюамеля «Отрешенные» и кинороман Ж. Ромена «Донгоо-Тонка».

В Лубянской библиотеке немало книг с дарственными надписями от польских писателей. В статье «Ездил я так» поэт познакомил советских читателей со многими из них.

Среди книг личной библиотеки с пометами Маяковского особенно интересна антология «Пролетарские писатели», составленная С. Родовым и изданная в Москве в 1924 году. Антология включает 40 авторов — членов ВАПП (12 прозаиков и 28 поэтов), но внимание поэта привлекла только поэзия; страницы прозы остались неразрезанными. С особым пристрастием были прочитаны поэты Александровский, Арский, Дорогойченко, Родов, Садофьев — их стихи испещрены всевозможными пометами, и некоторые из них будут «упомянуты» в стихотворении «Юбилейное».

На рабочей полке письменного стола поэта была книга Альберта Эйнштейна «Эфир и теория относительности». Поэт, творчество которого было обращено в будущее, глубоко интересовался не только личностью великого ученого, но и сущностью его теории относительности. Он хотел найти физику, который бы по пунктам растолковал ему книгу Эйнштейна. Маяковский работал над поэмой «Четвертый Интернационал», членом которого должен был быть Эйнштейн, писал драму, одним из действующих лиц которой был Эйнштейн. Тогда же он намеревался послать приветственную радиogramму ученому. Этим замыслом не суждено было осуществиться. Но проблематика философских категорий скорости, времени и бессмертия нашла отражение в его пьесах «Баня» и «Клоп», поэме «Про это» — «мастерская человеческих вокрепаний».

И еще о будущем... На той же книжной полке стояли две тоненькие книжечки, выпущенные мизерным тиражом в Калуге, как предполагалось тогда, ввиду малого интереса к ним. Книжки Константина Эдуардовича Циолковского — «Прошедшее Земли» и «Общественная организация человечества: вычисления и таблицы». Маяковскому они были нужны. Они были о будущем...

Галина ГРИХАНОВА,
заведующая сектором книжных
фондов Государственного Музея
В. В. Маяковского.